

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла

В старое поместье Уайлдфелл-Холл приезжает вдова Хелен Грэхем со своим маленьким сыном Артуром. Она сразу же становится объектом всеобщего внимания и интереса. Молодой Гилберт Маркхем, который до встречи с Хелен ухаживал за прекрасной Элизой Миллуорд, влюбляется в незнакомку. Он забывает обо всем, опьяненный любовью. Желая отомстить сопернице, Элиза выдумывает о Хелен разные сплетни, в которые начинают верить жители деревни и сам Гилберт. Но незнакомка сама раскроет перед Гилбертом историю и тайну своей жизни...

Энн Бронте

Незнакомка
из Уайлдфелл-Холла

Энн Бронте

Незнакомка из Уайлдфелл-холла

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-5542-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Глава VII

Экскурсия

Через несколько дней, в одно мягкое солнечное утро — особенно мягкое под ногами, ибо как раз сошел последний снег, оставив там и сям тонкие полоски, задержавшиеся на свежей зеленой траве у подножия изгородей, но возле них, из-под намокшей прошлогодней листвы, уже проглядывали первоцветы, а в вышине заливался жаворонок, возвещая о весне, надежде, любви и прочих божественных вещах, — я, наслаждаясь этими прелестями, вышел на склон холма проведать своих овец с их новорожденными ягнятами и тут, оглянувшись по сторонам, увидел трех человек, поднимавшихся на холм со стороны долины, — это были Элиза Миллуорд, Фергус и Роза. Я догнал их, пройдя напрямик через поле, а узнав, что они держат путь в Уайлдфелл-Холл, объявил, что не прочь к ним присоединиться, и, предложив руку Элизе, которая охотно ее приняла, сказал Фергусу, что дальше сам буду сопровождать барышень, так что он может возвращаться домой.

— Нет уж, позволь! — воскликнул тот. — Это не я их сопровождаю, а они меня. Вы все успели поглазеть на эту загадочную особу, один я терзался в жалком неведении. Будь что будет, решил я, но терпение мое должно быть вознаграждено! Сегодня я попросил Розу пойти со мной в старый дом и срочно представить меня хозяйке. Она заявила, что без мисс Элизы туда ни ногой. Я сбегал за той в дом викария, и мы всю дорогу шли под ручку, как двое влюбленных, а теперь ты мало того, что отнял ее у меня, так хочешь еще лишить меня и прогулки, и намеченного визита. Шел бы ты к своим полям да скотине, деревенщина неотесанная, — не место тебе в обществе благородных дам и джентльменов вроде нас, которым больше делать нечего, кроме как шнырять по соседям и, заглядывая в их тайные углы, вынюхивать их секреты и гадить им исподтишка, если они сами себе

еще не нагадили. Не способен ты оценить столь изысканные источники наслаждения!

— А что, обоим пойти нельзя? — поинтересовалась Элиза, игнорируя заключительную часть его пламенной речи.

— Правильно, идите оба! — воскликнула Роза. — Вместе веселее, а уж веселье нам точно понадобится, чтобы мы могли наполнить им ту огромную, мрачную комнату с узкими решетчатыми окнами и зловещей старинной мебелью, если, конечно, хозяйка снова не примет нас у себя в мастерской.

Так что мы заявили в полном составе, и костлявая старуха-служанка, открывшая дверь, проводила нас в то самое помещение, которое так красочно описала мне Роза после своего первого визита к миссис Грэхем. Это была довольно просторная комната с высоким потолком, но плохо освещенная из-за старинных окон; зловещий вид ей придавала потемневшая дубовая обшивка стен и потолка; под стать им была каминная полка, украшенная замысловатой, но не слишком изящной резьбой, а также столы, стулья, старый книжный шкаф с собранием пестрых книг, стоявший по одну сторону камина, и еще более старое фортепиано — по другую.

Хозяйка дома сидела в жестком кресле с высокой спинкой возле круглого столика с пюпитром[31] и рабочей корзинкой. Рядом, прислонившись к ее ногам, стоял Артур и на удивление бегло читал вслух книжку, лежавшую у нее на коленях, а она, положив руку ему на плечико, рассеянно перебирала его длинные локоны. Эта трогательная сценка, приятно контрастирующая со всеми окружающими предметами, поразила меня, однако при нашем появлении картина моментально изменилась — я углядел ее лишь в то краткое мгновение, когда Рейчел распахивала перед нами дверь.

Не думаю, что миссис Грэхем была чрезвычайно рада нас видеть: от ее спокойной, сдержанной вежливости веяло каким-то неопишуемым холодом, но я с ней почти не разговаривал. Усевшись у окна, чуть в стороне от остальных, я подозвал Артура, и мы весело резвились с ним и Санчо, пока юные леди изводили его матушку пустой болтовней. Фергус сидел напротив, откинувшись на спинку стула, руки в брюки, нога на ногу, то глядя в потолок, то уставившись на хозяйку дома (с такой наглостью, что мне хотелось дать ему пинка и вышвырнуть вон), то насвистывая себе под нос отрывок из любимой

арии; иногда он встречал в разговор или заполнял паузу (если таковая возникала) каким-нибудь нелепейшим вопросом или замечанием. Один раз он заявил:

— Диву даюсь, миссис Грэхем: как вы могли избрать для жилья эти ветхие развалины? Если средства не позволили вам занять особняк целиком и хоть как-то его отремонтировать, то неужели нельзя было арендовать какой-нибудь скромный, опрятный домик?

— Возможно, все дело в моей гордости, мистер Фергус, — ответила она, улыбаясь. — А возможно, это жилище привлекло меня своей романтической стариной, к тому же оно имеет немало преимуществ перед обычным домиком: во-первых, комнаты, как видите, гораздо просторнее и в них больше воздуха, во-вторых, свободные помещения, за которые я не плачу, могут служить кладовыми, если мне будет что там держать, а кроме того, они удобны для моего малыша — там он бегаёт в дождливые дни, когда нельзя выйти на улицу; и ещё есть сад, где он может играть, а я работать. Посмотрите, я уже произвела кое-какие улучшения, — продолжала она, повернувшись к окну. — В том углу овощная грядка, здесь уже расцвели подснежники и первоцветы, а вон там, на солнце, вот-вот распустится желтый крокус.

— И как вы можете жить здесь, на отшибе? До ближайших соседей две мили пути — ни заглянет никто, ни мимо не пройдет. Роза бы озверела здесь от одиночества. Она не переживет, если не увидит за день с полудюжины новых нарядов и капоров, не говоря уж о личиках под ними, а вы можете днями напролет сидеть у окна и не высмотреть даже какой-нибудь старой торговки с корзиной яиц.

— Я не уверена, что уединенность этого места не явилась для меня одним из главных его достоинств, ибо я не нахожу удовольствия в том, чтобы сидеть у окна, выжидая, не пройдет ли кто мимо, и не люблю, когда меня беспокоят.

— О! Надо ли понимать, что вы нас гоните? Мол, не суйтесь в чужие дела и оставьте меня в покое.

— Нет, я не люблю заводить обширные знакомства — они меня раздражают, но с друзьями я, конечно же, рада видеться время от времени. Вечное одиночество никого не сделает счастливым. А посему, мистер Фергус, если вы пожелаете войти в мой дом как друг, то милости прошу! В противном случае, должна признаться, я бы

предпочла, чтобы вы держались от меня подальше. — Тут она повернулась к Розе с Элизой и поделилась с ними каким-то наблюдением.

— Кстати, миссис Грэхем, — снова заговорил Фергус пять минут спустя, — по дороге сюда мы обсуждали один вопрос, прояснить который вам не составит труда, ибо касается он, главным образом, вас. Признаться, между нами часто возникают споры по вашему поводу, ведь некоторым тут и заняться-то больше нечем, кроме как соседям косточки перемывать, а мы, исконные детища этой земли, так давно узнали друг о друге всю подноготную и так часто обсасывали ее и перемалывали, что забава эта изрядно всем надоела, и поэтому появление какого-либо нового лица пополняет наши иссякшие источники развлечений бесценными запасами живительной влаги. Да, так вопрос, или вопросы, требующие вашего разъяснения...

— Хватит болтать, Фергус! — закричала Роза в пылу гнева и ужаса.

— Нет уж, дослушай! Вопросы, требующие вашего разъяснения, суть следующие: первый — касательно вашего рождения, происхождения и прежнего местожительства. Одни считают вас иностранкой, другие англичанкой, третьи спорят, с севера вы или с юга, четвертые...

— Что ж, мистер Фергус, я вам отвечу. Я англичанка и не вижу причин в этом сомневаться. Местность, откуда я родом, лежит ни на самом севере, ни на самом юге нашего благословенного острова; в тех краях я и провела бóльшую часть своей жизни. Теперь, надеюсь, вы удовлетворены, ибо на прочие вопросы я сейчас отвечать не расположена.

— Только еще...

— Нет-нет, никаких «еще»! — ответила миссис Грэхем со смехом и, тотчас поднявшись с кресла, поспешила к окну, где сидел я, искать спасения. В порыве отчаяния, лишь бы избавиться от расспросов моего брата, она решила завязать со мной разговор.

— Помните, мистер Маркхем, некоторое время назад мы с вами говорили о прекрасном виде на море? — Торопливая речь и краска, заливавшая лицо, слишком ясно свидетельствовали о ее волнении. — Теперь, думаю, мне придется воспользоваться вашей любезностью и расспросить о короткой дороге: если такая прекрасная погода

удержится, я, возможно, смогу туда отправиться и сделать наброски; здесь я уже перерисовала все что могла, и мне не терпится там побывать.

Я уже готов был исполнить ее просьбу, но Роза не дала мне и рта раскрыть.

— погоди, Гилберт, не надо ничего рассказывать! — воскликнула она. — Мы возьмем ее с собой. Должно быть, вы имеете в виду бухту ***-Бей, миссис Грэхем. Это очень далеко, слишком далеко даже для вас, а для Артура и подавно. Но мы и сами подумывали отправиться туда в один прекрасный день и устроить пикник, так что если вы подождете, пока окончательно не установится хорошая погода, то, уверяю вас, мы все будем рады, если вы составите нам компанию.

Бедняжка миссис Грэхем в смятении попыталась отказаться, но Роза, то ли сочувствуя ее замкнутой жизни, то ли желая укрепить знакомство, твердо решила ее заполучить, и все возражения были отклонены. Компания будет небольшая, только друзья, а уж какой вид открывается со скал ***-Клиффс! Но до них целых пять миль пути.

— Джентльмены прекрасно прогуляются пешком, — продолжала Роза, — а дамы будут поочередно то ехать, то идти: у нас есть довольно большая коляска с пони, в которой поместятся и Артур с тремя дамами, и ваше приспособление для рисования, и наша провизия.

В итоге предложение было принято, и после недолгих переговоров относительно времени предстоящей экскурсии и кое-каких практических соображений, мы попрощались с хозяйкой и покинули ее дом.

Но это было в марте. Прошел холодный, сырой апрель и две недели мая, прежде чем мы смогли отважиться на этот поход, имея все основания полагать, что удовольствие, которое мы рассчитываем получить от приятных видов, теплой компании, свежего воздуха, здорового веселья и движения, не будет омрачено распутицей на дорогах, холодными ветрами и грозными тучами. И вот в одно славное утро мы собрались с силами и двинулись в путь. Компания состояла из госпожи и господина Грэхемов, Мэри и Элизы Миллуорд, Джейн и Ричарда Уилсонов, Розы, Фергуса и Гилберта Маркхемов.

Был приглашен и мистер Лоренс, но по причине, лучше всего известной ему самому, он отказался удостоить нас своего общества. Я

сам просил его об этой чести. Поколебавшись, он спросил, кто будет. При упоминании мисс Уилсон, он чуть было не согласился, но, когда я назвал среди прочих миссис Грэхем, ошибочно полагая, что ее имя послужит еще большей приманкой, он отказался наотрез, и, сказать по правде, его решение не было для меня неприятным, хотя я вряд ли смогу объяснить, почему.

Было около полудня, когда мы добрались до места назначения. Миссис Грэхем всю дорогу до скал шла пешком, да и Артур немалую часть пути прошагал с ней рядом: за эти месяцы он окреп, стал гораздо подвижнее и не хотел трястись в коляске с чужими людьми, когда все его друзья — маменька, Санчо, мистер Маркхем и мисс Миллуорд — брели пешком, то шагая где-то позади, то срезая путь через дальние поля и луга.

У меня сохранились весьма приятные воспоминания о той прогулке по утоптанной, белой от солнца дороге, кое-где затененной весело зеленеющими деревьями, с каймой из цветов по обочинам и живыми изгородями, благоухающими изысканными ароматами, или по дивным лугам и полям, радующим взор прелестным душистым цветением и восхитительной майской зеленью. Правда, Элиза была не со мной, а с подругами в коляске, и, надеюсь, не менее счастлива, чем я; но даже когда мы, пешие, сойдя с большой дороги, чтобы срезать путь через поле, увидели, как малюсенькая коляска исчезает вдали за деревьями, я не возненавидел эти деревья за то, что они спрятали от меня милый капор и шаль, как не почувствовал, что за этой преградой осталось мое счастье, ибо, признаться, я был слишком счастлив в обществе миссис Грэхем, чтобы жалеть об отсутствии Элизы Миллуорд.

Правда, поначалу она была вызывающе неприступна, видимо, твердо решив не разговаривать ни с кем, кроме Мэри Миллуорд и Артура. Они с Мэри шли чуть впереди, чаще с мальчиком посередине, но, если дорога позволяла, я пристраивался сбоку от нее, Ричард Уилсон — сбоку от мисс Миллуорд, ну а Фергус брел сам по себе где ему заблагорассудится. Но через некоторое время миссис Грэхем стала приветливее, и в конце концов мне удалось почти безраздельно завладеть ее вниманием — еще бы я не был счастлив! — и всякий раз, когда она снисходила до разговора, я слушал ее с удовольствием. Восхищало меня все: в тех случаях, когда наши мнения и переживания

совпадали, это был ее непомерный здравый смысл, изысканный вкус и чуткость, а когда расходились — та дерзкая непреклонность, с которой она защищала или отстаивала свои взгляды, та страстность и увлеченность, которые дразнили мое воображение, и даже если меня задевало какое-нибудь ее недоброе словцо, суровый взгляд или убийственное суждение о моей персоне, это вызывало у меня лишь крайнее недовольство собой, оттого что я произвел на нее столь неприятное впечатление, и растущее желание обелить себя в ее глазах, защитить свою репутацию и, если возможно, заслужить ее одобрение.

И вот наш путь подошел к конечной цели. Холмы стали выше и круче, на какое-то время заслонив от нас перспективу, но, когда мы, преодолев крутой подъем, забрались на гребень и глянули вниз, там, в расщелине, нашим взорам открылось море — темно-фиолетовое, с голубизной. По его отнюдь не безмятежной глади бежали крохотные белые барашки, которые с такой высоты даже самый зоркий глаз вряд ли отличил бы от круживших над ними чаек, чьи белые крылья ослепительно сверкали в лучах солнца; суденышек было всего два, да и те далеко.

Я посмотрел на свою спутницу, желая понять, какое впечатление произвело на нее это великолепное зрелище. Она не проронила ни звука, лишь тихо стояла, устремив на бескрайнюю синь восхищенный взгляд, убедивший меня, что увиденное ее не разочаровало. К слову сказать, глаза у нее были прекрасные. Не знаю, говорил ли я тебе уже, что они были большие, ясные, почти черные, но не карие, а темно-серые, и в них всегда просматривалась душа. С моря веяло бодрящей прохладой; легкий, чистый, целебный бриз подвил ей опавшие локоны, подкрасил обычно слишком бледные губы и щеки. Она ощущала его живительное действие, да и я тоже: все мое тело трепетало от возбуждения, но я не смел дать ему выход. Моя спутница хранила спокойствие, но лицо ее отражало затаенный восторг, вспыхнувший легкой улыбкой пробудившегося радостного взаимопонимания, когда наши взгляды пересеклись. Никогда еще она не была так хороша, никогда мое сердце не рвалось к ней так пылко, как в тот раз. Останься мы наедине на пару минут дольше, и я бы не поручился за последствия. К счастью для моего благоразумия, а возможно, и для хорошего настроения на остаток дня, нас очень кстати позвали к обеду, весьма пристойному по разнообразию яств, который Роза с помощью

мисс Уилсон и Элизы, ехавших с нею в коляске и прибывших раньше остальных, накрыла на возвышении площадки, выходящей на море и защищенной от палящего солнца выступом скалы и раскидистыми деревьями.

Миссис Грэхем устроилась в стороне от меня, и моей соседкой оказалась Элиза. Она очень старалась понравиться, по-своему мягко, без навязчивости, и наверняка была прелестна и обворожительна, как всегда, но чтоб я это заметил!.. Вскоре, однако, я вновь поддался ее чарам, так что, по моим наблюдениям, всем было весело и хорошо на всем протяжении нашей затянувшейся общей трапезы.

Когда мы отпировали, Роза позвала Фергуса помочь ей собрать и уложить в корзины остатки еды, столовые приборы, тарелки и прочее, а миссис Грэхем, попросив мисс Миллуорд присмотреть за ее драгоценным сыном и строго-настроено наказав тому не удаляться от его новой стражницы, взяла свой складной стульчик, рисовальные принадлежности и двинулась по крутому каменистому склону к дальнему возвышению на краю обрыва, откуда открывался еще более чудесный вид. Там она и решила порисовать, хотя барышни пытались отговорить ее от этой опасной затеи.

С уходом миссис Грэхем у меня будто исчезло ощущение праздника, хотя трудно сказать, чем она способствовала общему веселью. Ни единой шутки, ни единого смешка не слетело с ее уст, но улыбка молодой женщины вселяла в меня радость, а тонкое наблюдение или меткое словцо незаметно оттачивали мое остроумие, разжигали интерес ко всему, что делалось или говорилось остальными. Даже мою беседу с Элизой оживляло ее присутствие, только я этого не осознавал, а теперь, когда она ушла, игривые глупости Элизы перестали меня забавлять. Нет, они просто выматывали мне душу, да и самому мне прискучило ее развлекать: мной овладевала неодолимая тяга к той дальней вершине, где прекрасная художница в одиночестве занималась своим ремеслом. Боролся я с этой тягой недолго: пока моя соседка переговаривалась с мисс Уилсон, я сорвался с места и коварно улизнул. С полдюжины быстрых, размашистых шагов, немного энергичного карабка по каменистому склону — и вот я у цели, на узком выступе скалы, у самого края обрыва, отвесно уходящего вниз, к прибрежным камням.

Прекрасная художница не слышала моих шагов, она вздрогнула как от удара током, когда моя тень легла на лист с наброском, и тотчас же обернулась. Любая из моих знакомых женщин завизжала бы от страха.

— О! А я вас не узнала, что ж вы меня так пугаете? — сказала она несколько ворчливо. — Терпеть не могу, когда ко мне подкрадываются исподтишка.

— И за кого же вы меня приняли? — поинтересовался я. — Если бы я знал, что вы так пугливы, то был бы осторожнее, но...

— Ах, не берите в голову! Для чего вы пришли? Или все сюда идут?

— Нет, на этом крохотном уступе вряд ли все поместятся.

— Это радует, а то я устала от болтовни.

— Что ж, тогда я буду молчать. Просто посижу, посмотрю, как вы рисуете.

— Но вы же знаете, что я этого не люблю.

— Ладно, удовольствуюсь тем, что буду любоваться этим величественным зрелищем.

На это она возражать не стала и какое-то время работала молча. Но я то и дело отрывал взгляд от великолепия, раскинувшегося у наших ног, и украдкой поглядывал на изящную белую руку, водившую карандашом, на грациозную шею, блестящие, черные как смоль локоны, нависавшие над рисунком.

«Да, — подумал я, — будь у меня хотя бы огрызок карандаша и клочок бумаги, я бы и лучше нарисовал, разумеется, при наличии способности достоверно изображать то, что вижу».

Но раз уж в этом удовольствии мне отказано, то я был вполне согласен сидеть рядом и молчать.

— Вы еще здесь, мистер Маркхем? — спросила наконец миссис Грэхем, оглянувшись, ибо я располагался чуть позади, на мшистом выступе скалы. — Почему бы вам не пойти повеселиться с вашими друзьями?

— Потому что я от них устал, как и вы. К тому же они мне и завтра успеют надоест, и в любой другой день, а вас я, может, долго еще не буду иметь удовольствия лицезреть.

— Что делал Артур, когда вы уходили?

— Сидел с мисс Миллуорд, где вы его и оставили, жив-здоров, только очень хотел, чтобы маменька поскорее вернулась. Мне-то вы

его не доверили, — пробурчал я, — а я, между прочим, имею честь быть с вами знакомым гораздо дольше. Зато у мисс Миллуорд талант ладить с детьми, развлекать их, — добавил я и тут же ляпнул не подумав: — С паршивой овцы хоть шерсти клок.

— У мисс Миллуорд много достойных качеств, но такие, как вы, не способны ни разглядеть их, ни оценить. Передайте Артуру, что я буду через несколько минут.

— Раз такое дело, я, с вашего позволения, подожду, когда эти несколько минут пройдут, а затем помогу вам спуститься по этой опасной тропе.

— Благодарю, но в подобных обстоятельствах я прекрасно обхожусь без посторонней помощи.

— Но я мог бы, по крайней мере, донести ваш стул и альбом.

В этой милости она мне не отказала, однако меня изрядно оскорбило ее неприкрытое желание избавиться от моего общества, и я начал было сожалеть о своей настойчивости, но тут она меня немного успокоила, спросив совета по части некоего сомнительного момента в ее рисунке. Мнение мое, к счастью, было одобрено, а предложенные поправки внесены без колебаний.

— Сколько раз я тщетно желала чужого мнения, — молвила она, — чтобы опереться на него, когда перестаю доверять собственному взгляду и рассудку: ведь если они слишком долго заняты созерцанием одного и того же предмета, становится почти невозможно осмыслить и передать его должным образом.

— И это лишь одно из многих зол, которым подвергает нас отшельнический образ жизни.

— Совершенно верно, — согласилась миссис Грэхем, и мы снова умолкли.

Через пару минут, однако, она объявила, что набросок закончен, и закрыла альбом.

Вернувшись к месту нашего пиршества, мы обнаружили, что все разбрелись кто куда, за исключением троих: Мэри Миллуорд, Ричарда Уилсона и Артура Грэхема. Младший джентльмен крепко спал, положив голову барышне на колени, а старший сидел рядом с томиком какого-то античного автора в руках. Он никогда никуда не ходил, не захватив с собой такого компаньона, желая с его помощью скрасить минуты досуга, ибо время, не посвященное занятиям или не

истребованное физиологической необходимостью на простейшее поддержание жизни, казалось ему потраченным впустую. Вот и тогда он не соизволил отдаться наслаждению ни свежим воздухом и ласковым солнцем, ни восхитительным видом, ни умиротворяющими звуками волн внизу и легкого ветра в листве тенистых деревьев над ним, ни даже обществом сидевшей подле него барышни (пусть и не очень привлекательной, не могу не признать). Нет, ему надо было раскрыть книжку, дабы с толком использовать время, пока переваривается в желудке его скромный обед и отдыхают натруженные члены, не привыкшие к долгой ходьбе.

Хотя, пожалуй, он все-таки выкроил минуту-другую, чтобы обменяться парой слов или взглядов со своей приятельницей, — во всяком случае, она явно не чувствовала себя обиженной его поведением, потому что, когда мы пришли, с весьма довольным видом разглядывала его бледное, задумчивое лицо, а ее простецкие черты сияли редкой веселостью и безмятежностью.

Дорога домой была для меня совсем не такой приятной, как в первой половине дня, ибо теперь миссис Грэхем ехала в коляске, а моей спутницей стала Элиза Миллуорд. Она заметила мой интерес к молодой вдове и, очевидно, чувствовала себя отвергнутой. Огорчение свое она выражала не язвительными упреками, едким сарказмом или упрямым надутым молчанием — все это, или частично, я бы с легкостью стерпел или обратил в шутку, но оно проявлялось в этакой кроткой меланхолии, мягкой укоризненной смиренности, которые ранили меня в самое сердце. Я старался ее развеселить, и к концу пути мне до некоторой степени это удалось, но всю дорогу я мучился угрызениями совести, понимая, что рано или поздно эти узы придется разорвать, а сейчас я лишь подпитываю ложные надежды и оттягиваю черный день.

Когда коляска приблизилась к Уайлдфелл-Холлу, насколько позволяла дорога — разумеется, кружным путем по ухабистому проселку можно было подъехать и ближе, но миссис Грэхем ни за что бы на это не согласилась, — они с сыном высадились, Роза пересела на козлы, и я уговорил Элизу занять освободившееся место. Усадив ее поудобнее, попросив остеречься вечерней прохлады и пожелав доброй ночи, я почувствовал огромное облегчение и поспешил выразить миссис Грэхем свою готовность донести ее вещи вверх по склону, но

она уже подцепила складной стульчик на локоть, в другую руку взяла альбом и тотчас же распрощалась и со мной, и с остальными. Но на сей раз она отказалась от моей помощи так любезно и миролюбиво, что я почти ее простил.

Глава VIII

Подарок

Прошло полтора месяца. Стояло чудесное утро на исходе июня. Почти все сено было уже скошено, однако последняя неделя выдалась весьма неблагоприятной, и вот теперь, когда наконец распогодилось, я, полный решимости наилучшим образом воспользоваться этим, стянул на сенокос все рабочие силы и сам, в сорочке и легкой соломенной шляпе, трудился не покладая рук во главе порядочной шеренги слуг и батраков, подхватывая охапки влажной, обдающей затхлым духом травы и развеивая ее по всем ветрам небесным, намереваясь работать с утра до ночи с тем же усердием и старанием, коих мог требовать от других, и, способствуя успеху собственным трудом, вдохновлять их своим примером. Но не тут-то было! Все мои начинания пошли прахом лишь из-за того, что прибежал мой братец и вручил мне небольшую посылку, только что доставленную из Лондона, которую я давно ждал. Сорвав обертку, я обнаружил изящный томик «Мармиона»^[32].

— Кажется, я знаю, для кого это, — сказал Фергус, видя, с каким благоговением я разглядываю книгу. — Для мисс Элизы, вот!

Он так упивался своим всезнайством, что я не мог отказать себе в удовольствии его разочаровать.

— Ошибаешься, любезный, — с этими словами я поднял сюртук и, сунув книгу в один из карманов, надел его (сюртук, то бишь). — Давай-ка и ты, лоботряс, сделай хоть раз в жизни что-то полезное, — продолжил я. — Поработаешь за меня в поле, пока я не вернусь.

— Пока не вернешься? А куда это ты собрался, скажи на милость?

— Куда — не твое дело, твое дело — когда. А вернусь я не раньше обеда.

— Ишь какой! А мне тут за тебя отдуваться, да? Небось еще и за всей этой оравой приглядывать? Ну, братец, удружил! Ладно уж, надену на себя это ярмо, не навек же. Ну, смотрите у меня, любезные!

Теперь я иду помочь вам, и горе тем из вас, кто хоть на минуту замешкается, дабы позевать по сторонам, почесать в затылке или прочистить нос, — никаких отговорок! Работа, и только работа — работа в поте лица своего... [33]

Ну, и так далее.

Предоставив ему ораторствовать перед работниками, скорее им на потеху, нежели в назидание, я вернулся домой и, произведя кое-какие изменения в своем туалете, поспешил в Уайлдфелл-Холл, захватив «Мармиона», ибо он предназначался для книжного шкафа миссис Грэхем.

«Так вы, значит, уже настолько сблизились, что дело дошло до обмена подарками?»

Не совсем так, дружнице: это была моя первая попытка такого рода, и мне не терпелось узнать, каков будет результат.

После экскурсии в бухту ***-Бей мы виделись всего несколько раз, и, как я понял, миссис Грэхем не гнушалась моим обществом, при условии, что в разговоре я ограничивался обсуждением абстрактных материй или обоюдointересных тем, но стоило мне затронуть сферу чувств, сделать комплимент, допустить малейший намек на нежность во взгляде или слове, как я тут же бывал наказан мгновенной переменой в ее поведении, и впредь, если я искал свидания с нею — будь она вообще досягаема, — мне грозило натолкнуться на холодную отстраненность. Однако такое положение дел не особенно меня смущало, ибо я объяснял это не столько ее неприязнью к моей персоне, сколько твердым решением не вступать во второй брак, принятым задолго до нашего знакомства то ли от избытка любви к покойному мужу, то ли от того, что ей опостытели и он, и супружеское поприще вообще. Поначалу ей будто бы и впрямь доставляло удовольствие искоренять мое честолюбие и убивать самонадеянность, безжалостно вырывая росток за ростком, стоило им проклюнуться. Признаюсь, тогда это ранило меня до глубины души, в то же время подстрекая к жажде мести, но с недавних пор, убедившись, что я не такой уж пустоголовый фат, каким казался ей вначале, она стала пресекать мои неприятные ухаживания совсем иначе: с таким серьезным, чуть печальным неудовольствием, пробуждения которого я вскоре научился старательно избегать.

«Для начала надо укрепить свое положение как друга ее сына, его покровителя и товарища в детских играх, — размышлял я. — А также как надежного, рассудительного, искреннего друга ее самой, а потом, когда сделаюсь необходимым ей для обеспечения покоя и радости в жизни (ибо я не сомневался, что это в моих силах), посмотрим, что делать дальше».

Так что мы говорили о живописи, поэзии, музыке, богословии, геологии и философии; раз или два я принес ей почитать книги, в ответ она одолжила мне однажды что-то из своей библиотеки. Я старался как можно чаще видеться с нею во время ее прогулок, а если набирался смелости, то заходил к ней домой. Первым поводом для вторжения в святилище послужил детеныш Санчо — крошечный, едва стоявший на ногах щенок, которого я принес в подарок Артуру, чем привел мальчика в неопиcуемый восторг, а стало быть, угодил и его маменьке. Во второй раз я принес ему книгу, которую, зная придиpчивость миссис Грэхем, выбирал с особой тщательностью и, прежде чем вручить мальчику, предъявил ей для одобрения. Потом я принес несколько саженцев для сада якобы по просьбе моей сестры, заранее уговорив ту послать их со мной. Всякий раз я справлялся о картине, которую она писала по наброску, сделанному у моря, так что меня допускали в мастерскую и, по мере продвижения работы, спрашивали моего мнения или совета.

В последний раз я зашел, чтобы вернуть книгу, которую брал у нее почитать, и так получилось, что в разговоре о поэзии сэра Вальтера Скотта она мимоходом обмолвилась о своем желании прочесть «Мармиона», вот тогда-то у меня и зародилась дерзкая мысль преподнести эту книжицу ей в подарок, и, по возвращении домой, я не мешкая выписал из Лондона тот изящный томик, который получил сегодня утром. Но какой-то предлог для вторжения в обитель отшельницы был мне все-таки необходим, и я вооружился голубым сафьяновым ошейником для щенка. Поскольку врученный подарок был принят с гораздо большей радостью и благодарностью со стороны получателя, нежели того заслуживала как сама вещица, так и корыстные соображения дарителя, я отважился испросить у миссис Грэхем позволения еще раз взглянуть на картину, если та на месте.

— О да! Пройдемте, — сказала хозяйка, приглашая в дом (я застал их в саду). — Она уже закончена, обрамлена и готова к отсылке, но я

бы хотела услышать ваше окончательное мнение, и если вы предложите какие-либо усовершенствования, они будут... по крайней мере, с благодарностью приняты.

Картина была изумительно хороша: тот самый пейзаж, перенесенный на холст, словно по волшебству, но я выразил свое одобрение весьма осторожно, в двух словах, из боязни ей не угодить. Однако она не сводила глаз с моего лица и не могла не прочитать по нему идущего от сердца восхищения, так что ее профессиональная гордость, несомненно, была удовлетворена. Правда, любуясь картиной, я не переставал думать о книге, не зная, как ее преподнести. Сердце замирало от страха, но я решил, что глупо уходить, даже не попытавшись. Бесплезно было ждать, когда подвернется удобный случай, и бесплезно впрок сочинять подходящую речь. «Чем проще и естественнее это сделать, тем лучше», — подумал я, а посему выглянул в окно, дабы набраться смелости, затем достал книжку, развернулся и сунул ее в руки хозяйке, ограничившись кратким пояснением:

— Вы как-то изъявили желание прочесть «Мармиона», миссис Грэхем, и вот, пожалуйста, если не откажете в любезности его принять...

Лицо ее мгновенно залил румянец — должно быть, краска сочувственного стыда за такой неуклюжий способ вручения подарка. Она степенно осмотрела переплет, затем полистала страницы, сдвинув брови в серьезном размышлении, после чего закрыла книгу и, переводя на меня взгляд, спокойно осведомилась о цене. Кровь жарко бросилась мне в лицо.

— Мне жаль вас обижать, мистер Маркхем, но если я не заплачу за книгу, то не смогу ее принять.

— Почему не сможете?

— Потому что... — Она смолкла и уставилась на ковер.

— Так почему?! — повторил я с таким раздражением, что она снова подняла на меня глаза и спокойно проговорила:

— Потому что я не люблю чувствовать себя обязанной, зная, что ничего не могу предложить взамен... Я и так уже обязана вам за доброту к моему сыну, но за нее вас, должно быть, вознаграждает и его благодарная привязанность к вам, и удовольствие, которое доставляет вам общение с ним.

— Глупости! — взорвался я.

Миссис Грэхем вновь обратила на меня взгляд, полный тихого, печального удивления, в котором, хотела она того или нет, я почувствовал укор.

— Так вы не примете книгу? — спросил я, но уже не так резко.

— Отчего же, с радостью приму, если вы позволите мне за нее заплатить.

Я назвал точную цену и стоимость доставки, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя на самом деле готов был расплакаться от досады и разочарования.

Она извлекла из кармана кошелек и невозмутимо отсчитала деньги, но сразу отдать не решилась, а, внимательно глядя на меня, промолвила успокаивающим, ласковым тоном:

— Вы чувствуете себя оскорбленным, мистер Маркхем... Жаль, я не смогла доходчиво объяснить вам, что... что мне...

— Я прекрасно вас понимаю, — перебил я. — Вы думаете, что, если примете сейчас от меня эту безделицу, то в дальнейшем я могу этим злоупотребить. Но вы ошибаетесь, и, если сделаете мне одолжение, приняв книгу, поверьте, я не буду лелеять никаких надежд и не буду считать это основанием для будущих одолжений. Нелепо говорить, что вы будете чувствовать себя обязанной мне, — ведь понятно же, что в данном случае обязанным становлюсь я, а одолжение делаете вы.

— Что ж, ловлю вас на слове, — ответила она с ангельской улыбкой и положила ненавистные деньги назад в кошелек. — Но, чур, не забывать!

— Я-то не забуду... то, что сказал, только не карайте меня за самонадеянность, окончательно лишив своей дружбы, и не требуйте, чтобы я заглаживал вину, держась от вас на более почтительном расстоянии, чем прежде, — сказал я, протягивая руку на прощание, поскольку был чересчур взволнован, чтобы оставаться долее.

— Так и быть! Оставим все как есть, — ответила она и смело вложила свою руку в мою, но, когда я ее пожимал, мне стоило большого труда удержаться и не прижать ее к губам, что было бы самоубийственным безумием, так как я и без того не в меру обнаглел, и еще один сумасбродный поступок привел бы к крушению всех моих надежд.

Домой я чуть не бежал, подгоняемый горящим от возбуждения сердцем, не замечая палящего полуденного солнца, забыв обо всем, кроме той, с кем только что расстался, не сожалея ни о чем, кроме ее неприступности, собственной поспешности и бестактности, а также не страшась ничего, кроме ее лютой непреклонности и своей неспособности ее перебороть, и не уповая ни на что... Но довольно! Не буду больше докучать тебе своими противоречивыми надеждами и страхами, своими серьезными размышлениями и намерениями.

Глава IX

Змея подколотная

Хотя теперь вполне можно сказать, что от моей привязанности к Элизе Миллуорд не осталось и следа, я все-таки не прекратил свои визиты в дом викария, ибо хотел, как говорится, пощадить самолюбие бывшей возлюбленной, не причиняя ей лишних страданий, не навлекая на себя ее гнев и не сделавшись притчей во языцех. Кроме того, если бы я вообще перестал у них бывать, викарий, считавший, что я прихожу в его дом если не исключительно, то главным образом ради него, решительно почувствовал бы себя оскорбленным. Но когда я заглянул к ним на следующий день после встречи с миссис Грэхем, его не оказалось дома — обстоятельство, теперь уже отнюдь не столь для меня приятное, как в недавнем прошлом. Правда, была еще мисс Миллуорд, но что она есть, что ее нет — невелика разница. Так или иначе, я решил долго не засиживаться, а в беседе с Элизой взять братский, дружеский тон, оправданием которому могло служить наше давнее знакомство и который, по моему убеждению, не мог ни обидеть, ни вселить пустые надежды.

Я никогда не имел обыкновения обсуждать миссис Грэхем ни с нею, ни с кем бы то ни было вообще, но не прошло и трех минут, как Элиза сама о ней заговорила, причем в весьма удивительном тоне.

— Кстати, мистер Маркхем, — промолвила она с возмущенным видом, понижая голос чуть не до шепота, — что вы думаете об этих ужасающих слухах о миссис Грэхем? Вы ведь сможете их опровергнуть?

— О каких еще слухах?

— Да полноте! Вам ли не знать! — Она лукаво улыбнулась и покачала головой.

— Ничего я не знаю. Что все это значит, Элиза?

— О! Это вы у меня спрашиваете?! Лично я ничего объяснять не собираюсь. — И Элиза вновь принялась за батистовый платок,

который обвязывала кружевом, показывая, что она очень занята.

— Что происходит, мисс Миллуорд? О чем это она? — обратился я к старшей сестре, которой, казалось, ни до чего не было дела, кроме огромной простыни из сурового полотна, которую она подрубала.

— А я почему знаю? — ответила та. — Наверное, о какой-то пустой клевете — мало ли, чего не выдумают. Сама-то я об этом и слыхом не слыхивала, да вот Элиза намеренно рассказала. Но, даже если бы в приходе мне все уши прожужжали, я бы все равно ни слову не поверила — слишком уж хорошо я знаю миссис Грэхем.

— И правильно, миссис Миллуорд! Вот и я тоже, что бы кто ни говорил.

— Да, хорошо иметь такую твердую уверенность в достоинствах тех, кого мы любим, — заметила Элиза с легким вздохом. — Лишь бы ваше доверие не оказалось обмануто.

И она посмотрела на меня с такой печальной нежностью, что мое сердце чуть было не оттаяло, но в ее глазах мелькнуло что-то очень неприятное, и я удивился, как они вообще могли меня восхищать: открытое лицо старшей сестры с маленькими серенькими зенками показалось мне гораздо милее. Правда, в тот момент я был вне себя из-за Элизиных инсинуаций в адрес миссис Грэхем — лживых, в чем я был уверен, знала она это или нет.

Однако в тот раз я больше ни слова не сказал на эту тему, да и прочие меня особо не занимали. Чувствуя, что не в силах восстановить душевное равновесие, я вскоре откланялся под предлогом дел на ферме, куда и направил стопы, не забывая себе голову мыслями о возможной правдивости таинственных слухов, интересно было лишь, в чем их суть, кто их распустил, на чем они основаны и как целесообразнее пресечь их или опровергнуть.

Через несколько дней после этого мы устроили очередной домашний праздник, на который были приглашены всегдашние наши друзья и соседи, в том числе и миссис Грэхем. Теперь она не могла не явиться, сославшись на темный вечер или ненастную погоду, и, к моему большому облегчению, пришла. Без нее мне все это сборище показалось бы невыносимо скучным, но ее появление словно вдохнуло в наш дом новую жизнь, и, хотя мне нельзя было ни пренебрегать ради нее другими гостями, ни надеяться всецело завладеть ее вниманием, я предчувствовал, что этот вечер будет событием знаменательным.

Приехал и мистер Лоренс. Он явился, когда все гости уже собрались. Мне было любопытно, как он поведет себя с миссис Грэхем. Но, удостоив ее лишь легким поклоном, войдя в гостиную, и учтиво поприветствовав остальных, Лоренс расположился между матушкой и Розой, в некотором отдалении от молодой вдовы.

— Нет, вы видели, а? Какая искусная игра! — прошептала Элиза, сидевшая рядом со мной. — Разве по ним не скажешь, что они совершенно незнакомы?

— Почти незнакомы. Но что с того?

— Как это что?! Почему вы делаете вид, будто ничего не знаете?

— Чего не знаю? — спросил я с таким раздражением, что она вздрогнула и прошептала:

— Тише! Ведь могут услышать.

— Так объясните же наконец, что вы имеете в виду, — ответил я, понизив голос. — Не выношу загадок.

— Да, но, видите ли, я не поручусь за истинность... все-таки с чужих слов... Но неужели вы не слышали?

— Ничего я не слышал, разве что от вас.

— Да вы просто не хотите слышать! Любой вам скажет... Но я знаю, вы только разозлитесь на меня, если я это повторю, так что мне лучше держать язык за зубами.

Элиза плотно сжала губки и сложила руки на коленях, напустив на себя вид оскорбленной невинности.

— Если вы не хотели меня разозлить, нечего было вообще его распускать, или уж сразу бы честно выложили все как есть.

Она отвернулась, достала носовой платок, поднялась и отошла к окну, где простояла некоторое время, очевидно, распустив нюни. Я испытывал смешанное чувство изумления, досады и стыда — не столько за свою грубость, сколько за ее детскую слабость. Тем не менее, никто вроде бы ничего не заметил, и вскоре нас пригласили к чаю: в тех краях было принято по любому поводу накрывать чай в столовой и чаепитие плавно переходило в обед, так как обедали мы рано. За столом с одной стороны от меня сидела Роза, а с другой место было не занято.

— Можно я сяду рядом с вами? — услышал я робкий голос у своего плеча.

— Как вам угодно, — ответил я.

Элиза мышкой проскользнула на свободный стул и, заглянув мне в глаза с игриво-печальной улыбкой, прошептала:

— Вы так жестоки, Гилберт.

Я с чуть презрительной усмешкой налил ей чаю, но ничего не сказал, ибо сказать мне было нечего.

— Чем я вас обидела? — спросила она еще жалобнее. — Ума не приложу.

— Пейте чай, Элиза, и не болтайте глупостей, — ответил я, передавая ей сахар и сливки.

В этот момент по другую сторону от меня возникло легкое замешательство, вызванное желанием мисс Уилсон поменяться местами с Розой.

— Вы не возражаете, если мы поменяемся с вами местами, мисс Маркхем? — проговорила она. — Я не хочу сидеть рядом с миссис Грэхем. Раз уж ваша маменька не гнушается приглашать в свой дом подобных особ, значит, она и дочери не вправе запрещать водить с ними знакомство.

Последние слова мисс Уилсон присовокупила скорее в качестве внутреннего монолога, когда Роза отошла, но я был не настолько учтив, чтобы спустить их ей с рук.

— Не соблаговолите ли объяснить мне, мисс Уилсон, что вы имеете в виду? — спросил я.

Она слегка опешила, но, моментально взяв себя в руки, холодно ответила:

— Отчего же, мистер Маркхем. Меня удивляет, как миссис Маркхем могла пригласить в дом такую особу, как миссис Грэхем, хотя, возможно, она не знает, что репутацию этой дамы считают далеко не безупречной.

— Ни она, ни я ничего такого не знаем, а посему извольте разъяснить смысл ваших слов.

— Сейчас не самое подходящее время и место для подобных объяснений, но мне не верится, что вы настолько не осведомлены, как прикидываетесь, — ведь вы наверняка знаете ее не хуже, чем я.

— Пожалуй, даже лучше, а посему, если вы сообщите мне, что дурного вы о ней слышали или навоображали, я, возможно, сумею оправдать ее в ваших глазах.

— В таком случае не могли бы вы сказать, кто был ее мужем и был ли он вообще?

Я онемел от негодования. Ни время, ни место не позволяли мне ответить должным образом.

— А вы никогда не замечали, — вступила Элиза, — что ее малыш разительно похож на...

— И на кого же? — спросила мисс Уилсон с холодным, но едким сарказмом.

Элиза опешила: осторожно высказанная догадка предназначалась исключительно для моих ушей.

— Ой, прошу прощения, — промолвила она умоляющим тоном. — Может, я ошибаюсь... Нет, наверное, я и впрямь ошиблась. — При этом она искоса бросила на меня лукаво-насмешливый взгляд, избличавший ее коварство.

— У меня просить прощения не за что, — ответила ее подруга, — но я не заметила, чтобы кто-то из присутствующих был похож на мальчика, не считая его матери; и я буду вам признательна, мисс Элиза, если впредь, услышав злые сплетни, вы... то есть, я думаю, с вашей стороны будет благоразумнее воздерживаться от их распространения. Полагаю, вы намекали на мистера Лоренса, но, могу вас заверить, что ваши подозрения в этом смысле совершенно беспочвенны; если его и связывают какие-то особые отношения с этой дамой (а этого никто не вправе утверждать), то, во всяком случае, у него, не как у некоторых, хватает приличия не показывать в присутствии почтенных лиц, что между ним и нею существует нечто большее, нежели шапочное знакомство. Очевидно, что он был и удивлен, и раздосадован, увидев ее здесь.

— Так ее, так! — крикнул Фергус, сидевший по другую руку от Элизы, последним в нашем ряду. — Разнесите вдребезги! Да смотрите, чтоб камня на камне от нее не осталось!

Мисс Уилсон выпрямилась, изобразив ледяное презрение, но смолчала. Элиза хотела было ответить, но я ее упредил, сказав как можно спокойнее, хотя голос мой, несомненно, выдал скрываемые мною чувства:

— Довольно об этом! А если мы умеем лишь злословить о тех, кто достойнее нас, то, пожалуй, лучше попридержать языки.

— Вам-то уж точно! — заметил Фергус. — Вот и наш добрый пастырь так считает. Он весь вечер распинался перед обществом, то и дело поглядывая на вас с суровым отвращением, пока вы сидели тут, непочтительно перешептываясь и переговариваясь, а один раз даже умолк посреди рассказа, или проповеди — поди его разбери, — и уставился на тебя, Гилберт, словно говоря: «Вот кончит мистер Маркхем флиртовать с этими двумя барышнями, тогда и продолжу!»

О чем еще говорили за чаепитием, сказать не берусь; не знаю даже, как у меня хватило терпения досидеть до конца. Помню, правда, что я с трудом проглотил остатки чая в чашке, а к еде даже не притронулся, и что первым делом посмотрел на Артура Грэхема, сидевшего почти напротив меня рядом с матерью, а потом — на мистера Лоренса, расположившегося у дальнего конца стола. В первый момент я и впрямь был поражен их сходством, но, по дальнейшем размышлении, заключил, что это лишь игра воображения. Да, черты лица у обоих были более тонкими, а сложение более хрупким, нежели присуще большинству представителей грубого пола; цвет лица у Лоренса был бледно-прозрачный, а у Артура нежно-матовый; но маленький, чуть вздернутый нос ребенка никогда не станет таким прямым и длинным, как у мистера Лоренса, а само лицо, хотя и не настолько пухлое, чтобы его можно было назвать круглым, и слишком круто сходящееся к маленькому подбородку с ямочкой, чтобы назвать квадратным, никогда не вытянется в длинный овал, как у того. Да и волосы у мальчика были явно более светлого, теплого оттенка, чем у взрослого джентльмена; а его большие, ясные голубые глаза, хотя порой и смотрели не по годам серьезно, уж никак не напоминали стыдливые карие глазки мистера Лоренса, чья чувствительная душа выглядывала из них с опасливым недоверием и словно в любой момент готова была спрятаться от нападок слишком грубого, слишком чуждого по духу мира. Каким же я был подлецом, если мог хоть на миг затаить эту мерзкую мысль! Или я не знал миссис Грэхем? Или не виделся, не беседовал с нею все чаще и чаще? Или не был уверен, что умом, чистотой помыслов, величию души она безмерно превосходит всех своих хулителей и на самом деле является самой благородной, самой восхитительной из всех известных мне представительниц слабого пола и даже из тех, кого рисовало мне мое воображение? Да, и я охотно повторю за Мэри Миллуорд (этой здравомыслящей барышней): если весь приход — да что там, весь

мир! — мне все уши прожужжит этими лживыми выдумками, я ни за что не поверю, ибо знаю ее лучше, чем они.

Между тем, мозги у меня горели от негодования, а сердце готово было вырваться из своей темницы, объятые противоборствующими страстями. На моих прелестных соседок я смотрел с чувством омерзения и ненависти, которого почти не пытался скрыть. Гости со всех сторон подшучивали над моей рассеянностью и неучтивым невниманием к дамам, но это меня мало интересовало. А интересовало меня, помимо главного предмета моих дум, лишь одно: когда чашки наконец переместятся на поднос и на стол больше не попадут. Казалось, мистер Миллуорд никогда не перестанет талдычить о том, что он не любитель чая и что весьма вредно переполнять желудок этой «бурдой», замещая ею более здоровую пищу, и будет бесконечно допивать свою четвертую чашку.

Наконец чаепитие закончилось. Я поднялся из-за стола и покинул гостей, не тратя слов на извинения: терпеть их общество стало невыносимо. Я поспешил освежить мозги на благотворном вечернем воздухе, привести в порядок голову или же вволю потешить себя страстными мыслями в уединении сада.

Чтобы меня не увидели из окон, я прошел по тихой тенистой аллею, окаймлявшей уголья с одной стороны, где в глубине стояла скамья под сводчатой аркой, увитой розами и жимолостью. Там я и устроился, дабы предаться размышлениям о добродетелях и заблуждениях хозяйки Уайлдфелл-Холла, но не прошло и двух минут, как смех, голоса и мелькавшие за деревьями силуэты возвестили о том, что вся честная компания тоже высыпала в сад подышать свежим воздухом. Тем не менее, я укрылся в густо затененном уголке скамьи, надеясь удержать ее, защищенную и от чужих глаз, и чьего-либо посягательства, в своем владении. Ан нет... Проклятье... кто-то шел по аллее в мою сторону! Ну почему бы им не любоваться цветами на освещенной солнцем лужайке и не оставить этот темный закуток мне, комарам и мошкам?

Но как только я выглянул в просвет моей благоухающей ширмы из переплетенных ветвей, дабы выяснить, кто эти незваные гости (приглушенный шум голосов подсказал мне, что их по меньшей мере двое), мое раздражение тотчас же улеглось и совсем иные чувства взволновали мою, все еще смятенную, душу, ибо по дорожке медленно

брели миссис Грэхем с Артуром — и больше никого. Но почему они одни? Неужели яд злобных языков успел отравить всех? Неужели все от нее отвернулись? Я вдруг вспомнил, как миссис Уилсон еще до чаепития придвинула стул поближе к моей матушке и наклонилась к ней с явным намерением передать некие важные конфиденциальные сведения. По ее беспрестанному покачиванию головой, по частоте судорожных движений ее морщинистой физиономии и злобным огонькам, мелькавшим в ее мерзких прищуренных глазках, я заключил, что ее энергия приведена в действие какой-то пикантной скандальной историей, а предусмотрительная уединенность переговоров заставила меня заподозрить, что незадачливым объектом ее клеветнических наветов стал кто-то из присутствующих. И вот теперь, сопоставив все эти знаки с жестами моей матушки, со смешанным выражением ужаса и недоверия на ее лице, я пришел к выводу, что этим объектом была миссис Грэхем. Опасаясь ее спугнуть, я не показывался из своего укрытия, пока она не дошла до конца дорожки, а когда выступил ей навстречу, она остановилась как вкопанная и, казалось, готова была повернуть назад.

— О нет, мистер Маркхем, не обращайтесь на нас внимания, — сказала она. — Мы сами пришли сюда в поисках тишины и не хотим посягать на ваше уединение.

— Я не отшельник, миссис Грэхем... Хотя готов признать, что примерно так себя и повел, беспардонно сбежав от гостей.

— Я побоялась, что вам стало дурно, — проговорила она с искренним беспокойством.

— Так оно и было, но уже все прошло. Посидите здесь немного, отдохните. Кстати, как вам нравится эта беседка? — С этими словами я подхватил Артура под мышки и усадил на середину скамьи как залог безопасности его маменьки, и она, признав мое убежище весьма соблазнительным, устроилась в уголке скамьи по одну сторону от мальчика, а я по другую.

Однако слово «убежище» меня насторожило. Неужели это недоброжелательность заставила ее искать покоя в уединении?

— Почему они ушли без вас? — спросил я.

— Это я ушла без них, — с улыбкой возразила она. — Мне до смерти надоело их слушать — ничто так не утомляет меня, как пустая

болтовня. И как им не надоест часами говорить об одном и том же, ума не приложу!

Я невольно улыбнулся нешуточной глубине ее изумления.

— Они что, считают своей обязанностью говорить не переставая, — продолжала она, — и поэтому, когда возникает пауза, вместо того чтобы помолчать и подумать, заполняют ее бесцельной чепухой и пустыми приговорками, тогда как подлинно интересные вещи попросту не успевают прийти им в голову? Или они и впрямь находят удовольствие в подобных беседах?

— Вполне вероятно, — сказал я. — Их мелкие умишки не могут вместить ни одной глубокой мысли, а пустые головы сносит волной банальных пустяков, которой не сдвинуть набитый знаниями череп. Так что выбор у них один: либо говорить ни о чем, либо с головой окунуться в трясину клеветы и злословия, что для них высшее наслаждение.

— Но ведь не для всех же? — воскликнула леди, пораженная горечью в моем голосе.

— Разумеется, не для всех. Моя сестра свободна от столь низменных пристрастий, за нее я ручаюсь, да и за матушку тоже, если вы числите ее среди тех, кого сейчас порицали.

— Я и не думала никого порицать, тем более непочтительно отзываться о вашей матушке. Мне довелось узнать немало здравомыслящих людей, прекрасных собеседников, умеющих мастерски поддерживать подобного рода беседы, когда того требуют обстоятельства, но это талант, которым я не могу похвастаться. В этот раз я внимательно следила за ходом беседы, сколько могла, но в какой-то момент мое терпение лопнуло и я незаметно ускользнула, чтобы немного отдохнуть в тишине этой аллеи. Не выношу пустых разговоров, когда собеседники не обмениваются ни мыслями, ни впечатлениями, ничего друг другу не дают и ничего не получают.

— Что ж, если я вдруг начну докучать вам своей болтовней, — промолвил я, — не премините мне тотчас же об этом сказать, и я обещаю, что не обижусь, ибо в общении с теми, кого я... в общении с друзьями мне одинаково приятно и молчать, и разговаривать.

— Что-то не верится, но если это так, то вы бы вполне устроили меня в качестве компаньона.

— Значит, я устраиваю вас и в других отношениях?

— Нет, я вовсе не об этом. Как прекрасно смотрится листва, когда в прогалины пробивается солнце! — воскликнула она с намерением сменить тему.

Листва и впрямь смотрелась великолепно: там, где почти горизонтальные лучи солнца пробивались сквозь густые заросли кустарника на противоположной стороне тропинки, они высвечивали их сумеречную зелень, обрамляя полупрозрачные края листьев сияющей золотом каймой.

— Мне даже немного жаль, что я художница, — заметила моя собеседница.

— Отчего же? Казалось бы, в такие минуты вы должны просто ликовать от счастья, что обладаете способностью копировать все многообразие красок и образов, созданных природой.

— Напротив: вместо того чтобы полностью отдаваться наслаждению ими, как другие, я вечно извожу себя мыслями о том, как передать тот же эффект на холсте, а поскольку это заведомо недостижимо, то все — суета и томление духа ^[34].

— Пусть вы не можете добиться этого для собственного удовлетворения, зато результаты ваших усилий могут восхищать и восхищают других.

— Что ж, в конце концов, мне грех жаловаться: немногим удается добывать средства к существованию, получая от своего труда столько радости, сколько получаю я. Сюда кто-то идет...

Было видно, что это вторжение ее раздосадовало.

— Всего лишь мистер Лоренс и мисс Уилсон, — сказал я, — решили насладиться спокойной прогулкой. Они нам не помешают.

Я не смог разгадать выражение ее лица, но порадовался, что ревности в нем не увидел. А с чего я взял, что имею право ее искать?

— А что собой представляет мисс Уилсон? — спросила она.

— Своей утонченностью, изысканностью манер и образованием она превосходит большинство представителей ее сословия и положения; многие считают ее весьма приятной особой и настоящей леди.

— Мне она сегодня показалась несколько холодноватой и даже надменной.

— Она вполне могла так держаться с вами. Она может иметь предубеждение против вас, потому что, по-моему, видит в вас

Рекомендована література

Смажені зелені помідори в кафе «Зупинка»

Клуб убивств по четвергах

Село не люди

Мистецтво виховання та дресирування. Не поспішайте стріляти в собаку!

Різдво з червоним кардиналом

Перейти до категорії
Художня література

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ